ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 81:1

DOI: 10.17223/1998863X/56/1

А.Г. Андрушкевич

АСКРИПТИВНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ¹

В статье рассматривается специфика механизма введения в онтологию новых объектов посредством употребления аскриптивных выражений обыденного языка. Выявляется сложная перформативная составляющая аскриптивных выражений. Определяются внеязыковые предпосылки для осуществления аскрипции, на основании которых осуществляется конструирование реальности.

Ключевые слова: язык, онтология, аскрипция, правила.

В настоящей работе мы обратим внимание на ряд языковых выражений, по форме очень напоминающих дескриптивные, – на аскриптивные выражения. Герберт Харт из всего многообразия языковых выражений выделил аскриптивные выражения, т.е. те, «чья первичная функция состоит не в том, чтобы описывать вещи, события, лиц... но в том, чтобы производить действия, например заявлять о правах... признавать права, заявленные другим... приписывать права... передавать права... а также признавать, приписывать или вменять ответственность» [1. С. 343]. Хотя Харт и ограничивал сферу применения аскрипции исключительно юридическим языком, мы утверждаем, что в обыденном языке также встречаются аскриптивные выражения. В связи с этим далее мы постараемся приводить примеры приписывания некоего статуса посредством выражений именно обыденного, а не юридического языка. Выражения «пиджак, который надел Билл» и «преступление, которое совершил Билл» действительно очень схожи по своей форме. Однако если первое представляет собой описание некоего объекта, то второе – приписывание некоему событию статуса преступления. Более того, нами было выявлено, что «аскриптивность языка предполагает конструирование реальности посредством введения нового объекта» [2. С. 12]. Мы предполагаем, что данное конструирование онтологии представляет собой не произвольный процесс, инициируемый одним лишь желанием индивида утвердить некоторый новый объект. Напротив, мы полагаем, что имеют место некоторые внеязыковые и не зависящие от воли агента речи обстоятельства, напрямую влияющие на формирование реальности посредством употребления аскриптивных языковых выражений. Выявлению данных оснований посвящена настоящая работа.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

Рассмотрим пример с выражением обыденного языка – «гол, который забил Джордж Бест», которое употребляется рефери во время футбольного матча с целью квалификации некоторого положения дел в качестве взятия ворот или гола. Мы утверждаем, что рассматриваемое языковое выражение является именно аскрипцией, т.е. приписыванием соответствующего статуса некоему положению дел, при котором мяч полностью пересек линию ворот и при этом ни один из игроков команды, забившей гол, не нарушил правила. Исходя из анализируемой нами теории аскриптивизма языка, вне высказывания имеет место описанное выше и зафиксированное рефери положение дел. Такой объект, как «гол», возникает в результате приписывания статуса взятия ворот данному положению дел, т.е. посредством употребления соответствующего аскриптивного выражения. Аскриптивность обыденного языка подводит нас к выводу о том, что язык предполагает механизм конструирования реальности.

Очевидно, что судья, который фиксирует то, что Джордж Бест забил гол, и передает эти сведения, чтобы на табло могли изменить счет, посредством рассматриваемого выражения совершает некоторое действие. Перформативная составляющая выражения «гол, который забил Джордж Бест», как мы полагаем, выражена именно в том факте, что посредством рассматриваемого выражения рефери совершает вполне определенное действие, а именно приписывает данному положению дел статус взятия ворот или гола. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что аскриптивные выражения как минимум в ряде случаев являются перформативными выражениями, т.е. такими, посредством которых совершается некоторое действие, а именно приписывание определенного статуса. Однако мы можем усилить наши выводы, предположив, что любое аскриптивное выражение имеет перформативную составляющую.

Однако употребление рассматриваемого языкового выражения, помимо реализации акта приписывания, предполагает также и совершение некоторого иллокутивного акта. Серль пишет: «...я мог бы сказать, что разграничиваю иллокутивный акт и пропозициональное содержание иллокутивного акта» [3. С. 156]. Очевидно, что пропозициональным содержанием выражения «гол, который забил Джордж Бест» в общих чертах будет суждение о том, что Джордж Бест забил гол. Однако каков в таком случае непосредственно иллокутивный акт? Для ответа на этот вопрос мы можем представить, к примеру, следующие языковые выражения: «Джордж Бест забил гол?», «Джордж Бест, забей гол!» или «гол забил Джордж Бест?». Общим для всех этих выражений будет, очевидно, референция к Джорджу Бесту. Разница же, с точки зрения Серля, между этими выражениями в том, что каждое из них содержит различные иллокутивные акты. В общих чертах эта разница сводится к намерениям агента речи, с которыми он, собственно, и использует соответствующее выражение. Так, например, при употреблении вопроса «Джордж Бест забил гол?» агент речи интересуется о том, удалось ли Бесту забить гол. Тогда как в случае с «Джордж Бест, забей гол!» агент речи выражает желание увидеть взятие ворот в исполнении Беста. В последнем случае агент речи интересуется, является ли Бест автором забитого гола. Исходя из разницы намерений, логично предположить, что в изначальном варианте, когда арбитр матча употребляет выражение «гол, который забил Джордж Бест», арбитр

руководствуется намерением утвердить то, что Джордж Бест осуществил взятие ворот.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что перформативная составляющая выражения «гол, который забил Джордж Бест» сводится не только к приписыванию некоему положению дел статуса взятия ворот, но и к утверждению того, что Бест осуществил взятие ворот. В определенной степени эти две перформативные составляющие тавтологичны, т.е. в иллокутивном акте утверждения о взятии ворот Бестом имплицитно содержится квалификация произошедшего на поле как взятия ворот. Однако мы полагаем, что это два различных действия. Следовательно, употребление как минимум некоторых из аскриптивных выражений обыденного языка представляет собой единовременное совершение двух действий: совершения некоего иллокутивного акта и приписывания некоего статуса.

Далее попробуем выявить основания для совершения каждого из действий, совершаемых при употреблении аскриптивного выражения «гол, который забил Джордж Бест». Сперва обратим внимание на совершение иллокутивного акта. На наш взгляд, рефери совершает иллокутивный акт в силу того, что имеет соответствующее намерение, т.е. судья намеренно утверждает, что Бест осуществил взятие ворот. Мы полагаем, что наличие некоторого намерения при употреблении языка не является одним из тех фактов, которые влияют на конструирование реальности. Наличие намерения, которое сопровождает употребление тех или иных языковых выражений, скорее свидетельствует о целеполагании агентов речи. Мы употребляем язык не случайным образом, за каждым предложением в той или иной мере стоит некоторое намерение, которое определяет языковые средства, к которым мы прибегаем, и позволяет сформулировать ряд своеобразных психологических правил употребления различных языковых выражений. Джон Серль достаточно подробно рассматривает этот вопрос в своей статье «Что такое речевой акт». Однако рассматриваемые американским исследователем правила не в состоянии претендовать на то, чтобы регулировать совершение акта приписывания. Далее мы рассмотрим фундаментальные основания осуществления аскрипции в обыденном языке, которая наряду с иллокутивным актом составляет перформативную составляющую употребления аскриптивных выражений.

Следует отметить, что в рамках аналитической философии права уже поднимался вопрос о следовании правилу при употреблении аскриптивных выражений. Так, в частности, В.В. Оглезнев и В.А. Суровцев пишут: «Итак, с точки зрения теории речевых актов предварительно можно отметить, что императив удовлетворяет условиям речевой ситуации, которая содержит принуждающий элемент действовать определенным образом и при этом выражает регулятивное правило» [4. С. 51]. Также отметим, что понятие регулятивного правила вводит Серль в уже упомянутой работе «Что такое речевой акт», где он разделяет все возможные правила на два класса – регулятивные и конститутивные. «Регулятивные правила регулируют деятельность, существовавшую до них, – деятельность, существование которой логически независимо от существования правил. Конститутивные правила создают (а также регулируют) деятельность, существование которой логически зависимо от этих правил» [3. С. 154]. Следовательно, в рамках юридиче-

ского языка употребление аскрипции регулируется теми или иными регулятивными правилами. На наш взгляд, здесь речь идет сугубо о юридических высказываниях, т.е. об императивных велениях того или иного законодательства. Это могут быть, к примеру, такие веления, как «вовремя плати налоги», «не воруй» или «не причиняй вреда государственной собственности». Приведенным выше и другим аналогичным велениям всегда с необходимостью соответствует одно или несколько положений законодательства, распространяющегося на субъекта. В данном случае именно законодательство и его отдельные положения представляют собой регулятивные правила. Регулятивными эти правила являются, с точки зрения Серля, в силу того, что они возникают с целью регуляции уже существующей практики. Это могут быть различные социальные, экономические или политические практики во всем их многообразии, для которых с помощью закона и, в частности, государственного принуждения (которое и придает положениям закона императивный характер) устанавливаются границы допустимого поведения людей. В данных обстоятельствах квалификация действий Билла, который силой отнял у женщины принадлежащую ей сумку, как преступления совершается на основании конкретного правила (соответствующей нормы уголовного права), которое призвано регулировать поведение людей, в том числе и поведение Билла.

Серль выдвигает гипотезу, согласно которой «семантику языка можно рассматривать как ряд систем конститутивных правил и что иллюкутивные акты суть акты, совершаемые в соответствии с этими наборами конститутивных правил» [3. С. 155]. Это достаточно масштабное заявление, в котором, тем не менее, содержится необходимая нам в рамках настоящего исследования идея. Идея эта заключается в том, что как минимум некоторый сегмент обыденного языка представляет собой языковые выражения, для употребления которых имеются соответствующие конститутивные правила. Как было показано выше, такими выражениями не являются аскриптивные выражения юридического языка в силу того, что их употребление осуществляется в соответствии с некоторым регулятивным правилом, каким является та или иная норма права. В задачу нашего исследования не входит выяснение оснований употребления языка вообще, мы ограничиваемся исключительно употреблением аскриптивных выражений. Однако если употребление аскрипций в рамках юридического языка регулируется, с точки зрения В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева, исключительно некоторыми регулятивными правилами, то как обстоят дела с обыденным языком?

Если обратиться к выражению «Джордж Бест забил гол», то, очевидно, правило, на основании которого рефери фиксирует взятие ворот, безусловно является конститутивным. Оно является конститутивным не только в силу того, что правила игры в футбол в принципе являются конститутивными, т.е. создают возможность для некоторой новой деятельности, которая является невозможной вне данных правил. Однако данное правило, на наш взгляд, является конститутивным не только в силу того, что является одним из правил игры в футбол, которые, как сказано выше, являются конститутивными. Мы утверждаем, что правило взятия ворот в футболе является конститутивным, поскольку вводит принципиально новый объект (или новое событие) – гол. Вне данного правила гол как результат действий игроков на футбольном поле

представляется чем-то в высшей степени невозможным. Безусловно, приведенный нами аргумент в определенной степени является избыточным, поскольку не сообщает нам ничего нового. Однако при рассмотрении некоторых других высказываний подобная аргументация способна привнести нечто новое. Далее мы рассмотрим выражение «преступление, которое совершил Билл» и определим характер правила, регулирующего его употребление.

Поскольку понятие преступления вне всяких сомнений представляет собой юридический термин, постольку правило для квалификации действий Билла в качестве преступных необходимо искать именно в рамках системы права. Право же, как уже было сказано выше, представляет собой совокупность конститутивных правил. На основании этого данное правило, касающееся определения действий Билла в качестве преступных, также следует отнести к правилам регулятивным, что в той или иной мере выглядит в должной мере логичным. Безусловно, значительная часть правовых норм направлена на регулирование тех или иных сфер жизни общества, которые предшествуют соответствующим нормам права. Их мы, безусловно, определяем как регулятивные правила. Однако мы предполагаем, что некоторые из положений права представляют собой конститутивные правила. Обычно их специфика упускается из виду, поскольку они рассматриваются не как самостоятельные правила, но исключительно в рамках системы права. Так, в частности, мы утверждаем, что ряд правовых норм инициирует принципиально новые отношения, которые представляются невозможными вне соответствующих правил. К таким нормам права мы относим все многообразие правоприменительных и правоохранительных практик. То или иное положение закона, помимо указаний на обстоятельства и характер его применения, содержит также и указания на юридические последствия его нарушения. Следовательно, ряд норм права, связанных с последствиями нарушения закона и / или правоприменительной практикой в случае таких нарушений, представляют собой конститутивные правила. Мы не можем признать их в качестве регулятивных правил в силу того, что до возникновения системы права феномен правонарушения представляется как абсурдный. Следовательно, хотя значительная часть правовых норм направлена на регулирование отношений, предшествующих данным нормам, нарушение нормы права становится возможным лишь в силу того, что было введено некоторое правило. Другими словами, те нормы права, которые касаются правонарушений, их последствий и правоприменительных практик, вводятся не с целью регулирования уже существующей практики. Следовательно, их не следует рассматривать в качестве регулятивных правил, так как они представляют собой правила конститутивные.

Итак, вернемся к рассмотрению выражения «преступление, которое совершил Билл». Очевидно, что действия Билла квалифицируются в качестве преступных на основании определенной нормы права. Исходя из принадлежности данного правила к системе права, его следует квалифицировать в качестве регулятивного правила. Однако если рассматривать данное правило обособленно, т.е. вне его принадлежности к совокупности правовых норм, то мы сталкиваемся со следующими обстоятельствами. Допустим, что Билл совершил ограбление. Безусловно, норма права, запрещающая ограбление, представляет собой регулятивное правило, поскольку регулирует деятель-

ность, которая предшествует соответствующей норме права. У нас не возникает вопросов по поводу квалификации данной нормы права в качестве регулятивной, поскольку, очевидно, ограбления совершались до создания системы и введения в нее соответствующей нормы. Однако возникают вопросы по поводу оснований, позволяющих нам привлечь Билла к уголовной ответственности за совершенный им грабеж, и квалифицировать действия Билла как преступления. Мы полагаем, что вне системы права не имело место никакой деятельности, регулировать которую призвана норма права, предусматривающая уголовную ответственность за грабеж. Более того, юридическое понятие преступления представляется как невозможное без соответствующей нормы права. Следовательно, данная норма права представляет собой конститутивное правило, которое иницирует принципиально новые отношения, а именно приписывание статуса преступления действиям Билла. Следовательно, приписывание действиям Билла статуса преступления происходит на основании определенного конститутивного правила, которое представляет собой норму права, предусматривающую уголовную ответственность за грабеж. Как мы только что продемонстрировали, подобный подход позволяет установить характер правил, которые определяют специфику акта приписывания статуса.

В качестве примера мы неслучайно выбрали выражение «преступление, которое совершил Билл». Мы предполагаем, что данное языковое выражение можно рассматривать не только как выражение юридического языка, но и как принадлежащее к обыденному языку. Основанием для определения принадлежности к тому или иному языку выступает контекст употребления данного выражения. Безусловно, имеют место сугубо юридические контексты, какими могут быть разговор Билла со своим адвокатом или, к примеру, употребление данного выражения в рамках судебного заседания. Однако в ситуации, когда мы делимся тем, что знаем о своих однокурсниках из университета, и говорим «преступление, которое совершил Билл, действительно сломало его жизнь», данное выражение, на наш взгляд, следует определять как относящееся к обыденному языку. Таким образом, возможны ситуации, при которых правилом для употребления аскрипции выступает та или иная норма права.

На основании всего вышесказанного мы делаем вывод, что конструирование онтологии посредством употребления аскриптивных выражений представляет собой совершение конкретного действия (акта приписывания), сопровождаемого рядом иных действий (иллокутивных актов). На конструирование онтологии никак не влияет намерение агента речи, и, в свою очередь, оно определяется именно актом приписывания. Возникает вопрос: действительно ли иллокутивный акт не представляет для нас никакого интереса? Поскольку мы рассматриваем процесс введения новых объектов при употреблении аскриптивных языковых выражений, постольку преобладающее значение имеют их специфические свойства, каким, определенно, будет свойство аскриптивности. Иллокутивная составляющая не является отличительной чертой употребления аскрипции. Так, к примеру, при употреблении выражения «Джон, сейчас же вставай!» имеет место намерение агента речи, которое можно обозначить как веление Джону немедленно встать. Следовательно, выражение намерения посредством языка характерно для самых разных языковых выражений, в том числе и для аскриптивных. Однако только употреб-

ление аскриптивных выражений посредством приписывания некоего статуса определенному положению дел вводит в онтологию новые объекты.

Подводя итоги, обозначим, что данный процесс конструирования онтологии не следует рассматривать как произвольный. Как было показано выше, намерения агента речи не являются достаточным основанием для того, чтобы актуализировать некоторый новый объект, каким может быть гол или преступление. Введение новых объектов в онтологию посредством приписывания статуса определяется фактом следования определенному внеязыковому правилу. Полагаем, мы привели достаточные обоснования для того, чтобы утверждать, что данные правила могут быть как конститутивными, так и регулятивными.

Поскольку введение новых объектов в онтологию осуществляется на основании внешних по отношению к языку и агенту речи правил, постольку индивид может допускать ошибки и безосновательно вводить в онтологию те или иные объекты. Так, например, если судья зафиксировал взятие ворот, т.е. приписал статус гола имевшему на футбольном поле положению дел, но видеоповтор позволил установить факт нарушения правил. Допустим, футболист в момент удара находился в положении вне игры. Практика подсказывает нам, что гол при таких обстоятельствах будет отменен. Возникает вопрос: мы определили основания введения объектов в онтологию, но на каком основании эти объекты «отзываются»? Аскриптивные выражения, согласно Харту, обладают также и свойством отменяемости. Именно отменяемость как свойство аскриптивных выражений позволяет нам «отзывать» ранее введенные в онтологию объекты. Так, например, можно отменить гол или реабилитировать Билла после выяснения обстоятельств, при которых он силой отобрал у прохожего сумку.

Литература

1. *Харт Г.Л.А.* Приписывание ответственности и прав // Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара, 2014. С. 343–367.
2. *Андрюшкевич А.Г.* Онтологический статус аскриптивных выражений в обыденном языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 5–13.
3. *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–169.
4. *Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 236 с.

Alexandr G. Andrushkevich, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 5–12.

DOI: 10.17223/1998863X/56/1

ASCRIPTIVE EXPRESSIONS AND THE CONSTRUCTION OF REALITY

Keywords: language; ontology; ascription; description; Hart.

The use of ascriptive expressions leads us to the theory of constructing reality through the use of language. Since new objects, such as goals in football or crimes, are introduced into ontology by attributing statuses, it is necessary to determine the basis for this mechanism. The performative component of ascriptive expressions, which is a one-time performance of several actions, is defined. Firstly,

this is a certain illocutionary act. Secondly, it is directly an ascriptive act, that is, the act of attributing a certain status to a certain position. The basis for the fulfillment of the illocutionary act is the intention of the agent, while the basis for the performance of the ascriptive act is a certain rule. If it is the act of attribution, and not the illocutionary act, that is related to the construction of reality, then it is necessary to identify the fundamental grounds for performing this kind of action. Since the question of following the rule when using ascriptive expressions in the framework of legal statements has already been raised within the framework of the analytical philosophy of law earlier, the analysis begins with the expressions of the legal language. It is demonstrated that a rule of law is not always a regulatory rule. At least some of the legal norms belong to a constitutive rule, that is, a rule that creates the possibility of some new activity. Furthermore, the expressions of everyday language are considered. It is demonstrated that the act of attribution is also carried out on the basis of constitutive rules, from which it is concluded that the construction of an ontology through the use of ascriptive expressions is possible when the individual has a corresponding rule. In a situation when an individual makes a mistake, an object introduced into the ontology can be “recalled”, since ascriptive expressions have the property of cancellability.

References

1. Hart, G.L.A. (2014) Pripisyvanie otvetstvennosti i prav [Assignment of responsibility and rights]. In: Kasatkin, S.N. *Kak opredelyat' sotsial'nye ponyatiya? Kontseptsiya askriptivizma i otmenyaemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta* [How to define social concepts? The concept of ascriptivism and revocability of the legal language by Herbert Hart]. Samara: [s.n.]. pp. 343–367.
2. Andrushkevich, A.G. (2019) The Ontological Status of Ascriptive Expressions in Ordinary Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/1
3. Searle, J.R. (1986) Chto takoe rechevoy akt [What is a speech act]. In: Kobozeva, I.M. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Issue 17. Moscow: Progress. pp. 151–169.
4. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2016) *Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskiy yazyk i filosofiya prava* [Analytical philosophy, legal language and philosophy of law]. Tomsk: Tomsk State University.